

Поведаю читателям об использовании техник нейролингвистического программирования для конструирования литературоведческих концепций (на примере книги Дм. Быкова «Советская литература. Краткий курс»)

Нейролингвистическое программирование существует уже почти столетия, и отцами-основателями (Ричардом Бэнделером, Джоном Гриндером) техники и приемы НЛП рассматривались лишь как элементы альтернативной психологии. Со временем НЛП стали использовать и в других областях: в рекламе, маркетинге, спорте, менеджменте, гипнозе и др. Распространению НЛП способствовало то обстоятельство, что почти все техники этой альтернативной (практической!) психологии направлены на снижение критического восприятия получаемой информации внутренними фильтрами (иногда путем «заклания» какой-нибудь парадоксальной или даже абсурдной мысли), ослабление «антивирусных» барьеров. После получения этой «ключевой фразы», «афоризма», «словесной конструкции» (термины НЛП) сознание реципиента занято осмыслением этого «ключа», в то время как следом идущая информация попадает непосредственно в подсознание. Для ограничения критериев восприятия применяются и другие техники:

— включение т.н. трюизмов (общеизвестные факты, пословицы, поговорки), которые воспринимаются как абсолютные истины и вызывают доверие ко всей информации в целом;

— навязывание «пресуппозиций» — искусно выстроенных предположений, выдаваемых за истину;

— формулирование простой мысли путём усложнения формы подачи информации, с инверсиями, причастными и деепричастными оборотами, с вкраплением научных (желательно — редко используемых) терминов.

Чаще всего эти техники применяются сочетано, что усиливает их синергетический эффект. Да и само понятие «правда» трактуется в НЛП как то, что может считаться правдой, или то, что реципиент может принять за правду.

Ниже будут показаны приемы и техники НЛП, используемые при конструировании литературоведческих концепций на примере книги Дм. Быкова «Советская литература. Краткий курс», выпущенной издательством «ПРОЗАиК» в 2013 году. Мною сознательно не будут рассматриваться странности при выборе персоналий (например, в книге целая глава посвящена Э. Асадову и ничего не говорится о Р. Рождественском; есть глава, посвященная А. Луначарскому, и ни слова не сказано о А. Вампилове; отсутствуют сведения об Евтушенко и т.д.), чтобы больше внимания уделить приёмам и техникам, используемым известным литератором для конструирования своих концепций.

Итак, начнем с «ключевых фраз». Богатый писательский опыт Быкова позволил ему сконструировать массу нетривиальных запоминающихся фраз-затравок, играющих роль «ключевых фраз».

Начну, пожалуй, с фразы, посвященной В. Пикуюлю и Ю. Семенову: *«Их функция была — посредническая; полуобразованность лучше необразованности, хотя*

последняя — честней». Пока ничего не подразумевающий читатель соображает, почему необразованность честней полуобразованности, следом ему сообщают, что Россия в семидесятых была «страной победившего оккультизма», а «малая проза Иванова — типичный «Шолохов для бедных». Последние фразы (назовём их сателлитами) тоже сконструированы хорошо, но они и без литературного лоска осели бы в подсознании — ключевая фраза ещё работает! Хотя принцип абсурдности работает и в сателлитах, а это, пожалуй, патент Дмитрия Быкова — знатоки НЛП не требуют особой парадоксальности от этих фраз. Мне довелось жить в семидесятых, и какого-то особого оккультизма я не ощущал. Ежели А. Иванов — Шолохов для бедных, тогда Михаил Шолохов — Шолохов для богатых? Но не нужно искать ответа на эти вопросы! Повторюсь: «правда» трактуется в НЛП как то, что реципиент может принять за правду.

Далее... «*Главные советские и постсоветские военные писатели — Стругацкие. Думаю так не только потому, что с шестидесятых по настоящее время они с большим отрывом остаются самыми читаемыми из всей русскоязычной прозы, но и потому, что — почти никогда не изображая войну напрямую — занимались беспрерывным ее осмыслением, изживанием ее опыта*». Не знаю, не знаю... Мой отец (Царствие небесное), получивший два ранения на Второй мировой, зачитывался К. Симоновым, Астафьева терпеть не мог, да и Стругацких не жаловал... А Василий Гроссман? А Юрий Бондарев? Все эти вопросы требуют ответа, но вирусы (читай — сателлиты) уже в подкорке:

— *этой военной прозой (Стругацких — прим. М. Орлова) сформировано уже несколько поколений...*

Далее приводится диалог между Б. Стругацким и Дм. Быковым:

«*Однажды он мне сказал (не подчеркиваю своей близости к нему, разговор был общий): — Мы выросли в убеждении, что человек ест, чтобы работать. А что, если это не так?*

— *Вы серьезно?*

— *Абсолютно. Это вполне может быть наоборот».*

Причем квазибанальные истины преподносятся как откровения! Трюизм чистейшей воды!

Далее... «*В лучших текстах Ахмадулиной ирония возникает из вкрапления в густой, местами заштампованный поэтический делириум какой-нибудь обыденной реалии вроде метро «Аэропорт» или жаргонного словечка*». Пока читатель переваривает этот делириум (читай: бред) и хоть как-то хочет связать его с метро «Аэропорт» (а не, скажем, с «Белорусским вокзалом»), вирусы наготове:

«*А для того чтобы делать чистую литературу, на свете достаточно не очень романтических мужчин и не очень красивых женщин*», — это последняя фраза об Ахмадулиной. Красиво сказано, не правда ли? И опять принцип НЛП — усложнение до наукообразия. Кстати, здесь применен Быковым ещё один прием НЛП, о котором я не упомянул во введении: запоминаются первые и последние фразы (помните Штирлица?).

Следующий пассаж: «*Только согласится ли Асадов, что миллионные тиражи попсы — не что иное, как реакция на миллионные тиражи его книг, его суррогатной поэзии?*». Этот «ключ» заканчивается вопросительным знаком — излюбленный приём специалистов НЛП. А следом сателлит: «*А страна, у населения которой поголовный хороший вкус, — боюсь, нежизнеспособна*», — это все еще из главы об Эдуарде Асадове. Безапелляционно, но доказательств не требуется. Правда — это то, что реципиент...

Очередной ключ: «Во второй половине XX века стало окончательно ясно: неважно, о чем говорить. Любая идея может на практике обернуться своей противоположностью. Строго говоря, идей вообще нет». Как это корреспондируется с законами НЛП! «Правда», «логика», «обоснованность», «объективность», «научная честность» — слова для наивных! Следом, как и положено, сателлит: «Есть способ изложения, и поэтическая речь есть абсолютная самоценность сама по себе, поскольку она сложно организована и в этом качестве противостоит мировой энтропии. А энтропия есть единственное бесспорное и абсолютное зло. Поэтому любой, кто хорошо — энергично, точно, мнемонически-привлекательно — пишет в рифму, уже делает благое дело; и это, может быть, единственное доступное благо». Те же техники: усложнение, терминология, наукообразие — пресуппозиция.

А как нам относиться к Леониду Леонову после: «Скажем сразу: Леонов был, вероятно, плохим человеком». А слово «вероятно» взято из многочисленных наставлений по нейролингвистическому программированию, где рекомендуют вместо обоснований и доводов вкраплять тут и там фразы «скорее всего», «не вызывает сомнений», «очевидно», «общеизвестно»...

Безапелляционность Быкова обескураживает: «Патриоты, откажитесь от Шолохова. Он — не ваш». Рад бы согласиться, но... антипатриоты не читают «Тихий Дон». И опять: вышеприведенная цитата — в конце главы о Шолохове (опять — Штирлиц).

Ещё цитата: «Если кому из отечественных классиков и удавалось создать нечто увлекательное, они брали западные образцы: «Война и мир» представляет собою бесконечно более талантливую, но все-таки кальку с «Отверженных» Гюго, а Достоевский прямо наследует Диккенсу». Позволю себе не указывать разновидность техники НЛП...

Из главы, посвященной Есенину: «Мандельштаму до есенинского культа так же далеко, как Есенину до мандельштамовского таланта; да что там — Блоку, талантливым эпигоном которого Есенин был с деревенского своего начала и до трагического конца...», — ярчайший пример пресуппозиции. Переведем с русского на русский: Блок менее талантлив, чем Мандельштам. Допустим. Но как это возможно: быть эпигоном Блока.

Да, можно подражать Есенину, Маяковскому, Ахмадулиной, Бродскому, Мартынову... Но Блоку? Расскажите нам, Дмитрий Львович, каким образом!

После подобного «ключа» вся глава о Есенине суть сателлит: «Есенин стал близок народу (точней — люмпенизированной и самой отвратительной его части), когда деградировал и спился; здорового и действительно очень талантливого Есенина в полном блеске его природного дара в России почти не знают...».

О Максиме Горьком: «Наиболее яркой и мучительной своей чертой он считал врожденный имморализм — отсутствие априорных, изначальных представлений о добре и зле...», а чуть далее ещё один ключ (в этой же главе): «Чехов отчасти напоминает своего Лопухина, сына крепостного (как и он сам), который скупил вишневым сад русской литературы лишь для того, чтобы его вырубить». Классический пример!!! Пока читатель соображает, как это Антону Павловичу удалось вырубить вишнёвый сад (в одиночку!) русской литературы, остаток главы уже в подкорке. А упрекать писателя в низком происхождении, это, по меньшей мере... Если бы это написал, скажем, граф Толстой или лорд Байрон, но Дмитрий Быков, по всей видимости, не очень гордился своим происхождением, иначе бы не поменял свою фамилию в четырнадцатилетнем возрасте...

Вышеприведенный приём можно легко тиражировать. Например, о Леонове можно написать: «Леонов вырубил русский лес советской литературы».

Весьма спорно утверждение о Леониде Мартынове: *«А Мартынов, например, почти весь из этого состоял (чаще говорить о главном, а не о второстепенном — прим. М. Орлова), хотя манеру выработал тоже обаятельную, наступательную — и рассматривался одно время со Слуцким в одной обойме, в эпоху ранней оттепели. Мартынов там и остался, а Слуцкий пошел дальше».* Какая-либо привязка Мартынова к оттепели несостоятельна, а тот факт, что в шестидесятых его стали больше печатать, объясняется просто: при Сталине его не могли печатать часто, ведь он проходил по делу «сибирских поэтов», и реабилитирован только через 9 лет после своей смерти — в 1989 году.

А обогатил ли Быков техники нейролингвистического программирования? Несомненно. Во-первых, он уделил большое внимание нетривиальности и витиеватости утверждений-сателлитов. Во-вторых, поражает мастерское оформление пресуппозиций (предположений). Использовал критик и метод «отзеркаливания» — белое иногда называется чёрным. (Кстати, Дм. Быковым написана статья о В. Катаеве под названием «Чернеет парус одинокий» — комментарии излишни).

Резюмируя вышесказанное, отмечу, что техники НЛП применены автором только в тех случаях, когда требовалось моделирование своей, чаще всего — субъективной, литературоведческой концепции. Причем субъективизм Быкова граничит с субъективизмом советских цензоров, разделение авторов по идеологическим признакам очевидно: писатели, пострадавшие от советского режима, или писатели с ореолом диссидентства не устаиваются чести быть опытными экземплярами для апробации техник НЛП. По этой причине более цельными и интересными, на мой взгляд, являются главы, посвященные Исааку Бабелю, Варламу Шаламову, Василию Аксенову.

Сожалею, что рассмотренная книга используется как учебное пособие для учащихся школ и для такого уважаемого вуза, как МГИМО. Для себя я рассматриваю чтение этого труда как тренинг по проверке надежности внутренних фильтров и «антивирусных программ», хотя сателлиты до сих пор копошатся в подкорке — техники НЛП продолжают работать!

Молодым читателям советую не забывать афоризм Абу Хамид аль-Газали: «Сомнение есть путь к истине: кто не сомневается — не видит, кто не видит — не понимает, кто не понимает — пребывает в слепоте и заблуждении».